152 02
66

30192
14-I-1925

О ДОГОВОРАХЪ РУССКИХЪ СЪ ГРЕКАМИ.

(Пробная лекція, читанная въ Университетѣ Св. Владиміра для полученія званія приватъ-доцента кандидатомъ Сокольскимъ).

Мм. Гг.!

Настоящее чтеніе я позволю себѣ посвятить разсмотрѣнію договоровъ русскихъ съ греками, тѣхъ важныхъ историческихъ памятниковъ, изъ которыхъ преимущественно мы почерпаемъ свѣдѣнія о состояніи права въ древній періодъ нашей исторіи, и которые, по остроумному замѣчанію профессора Тобина, лѣтописецъ занесъ въ повѣсть временныхъ лѣтъ, какъ-бы инстинктивно предчувствуя громадное значеніе ихъ для ученыхъ изысканій отдаленныхъ потомковъ.

Когда договоры были открыты, то новизна ихъ открытія заставила усомниться въ ихъ подлинности. Шлёцеръ, первый изъ дѣльныхъ издателей и комментаторовъ договоровъ,—прежде него они были (издаваемы) объясняемы Татищевымъ, Ломоносовымъ, Щербатовымъ, Елагинымъ, Стритеромъ и Еминымъ,—Шлёцеръ, говорю я, первый же считаетъ ихъ не подлинными. Но сомнѣнія его, основанныя преимущественно на мнимыхъ хронологическихъ неточностяхъ лѣтописи и на молчаніи византійцевъ, такъ ясно опровергнуты Кругомъ (въ сочиненіи его Byzantinische Ghronologie, Sptsb. 1810), что, по выраженію Эверса, никто не рѣшится повторить ихъ, кто только способенъ понимать силу историческаго доказательства. Въ послѣднее время договоры часто были издаваемы и разбираемы въ ученыхъ сочиненіяхъ. Изъ изданій мы упомянемъ: 1) изданіе Археографической коммиссіи, въ I-мъ томѣ полнаго собранія русскихъ лѣтописей, и 2) Тобина, въ особомъ трудѣ: Die ältesten Traktate Russlands, Dorpat, 1845. Оба эти изданія напечатаны со

списковъ повѣсти временныхъ лѣтъ, относимыхъ учеными къ концу 14-го, къ 15-му и 16 му столѣтіямъ. Самые же подлинники списковъ принадлежатъ по всей вѣроятности концу 12-го и началу 13-го вѣка. Трудъ Тобина съ наибольшею пользою можетъ быть употребляемъ юристами, такъ какъ этотъ ученый предпослалъ своему изданію весьма дѣльное предисловіе и, кромѣ того, составилъ синопсисъ изъ шести списковъ. Онъ приводитъ также варіанты, находящіеся въ Лаврентьевскомъ спискѣ, неизвѣстномъ Шлёцеру, открытомъ только въ концѣ прошлаго столѣтія и изданномъ въ 1824 году профессоромъ Калайдовичемъ. Нужно замѣтить, что списокъ этотъ почитается однимъ изъ древнѣйшихъ.

Изъ ученыхъ сочиненій необходимо обратить вниманіе на труды Карамзина и Эверса: перваго въ Исторіи Государства Россійскаго, втораго въ древнѣйшемъ правѣ русскомъ. Особенно замѣчательно твореніе Эверса. Этотъ даровитый ученый, заслуги котораго на поприщѣ отечественной исторіи всѣмъ извѣстны, основываясь на договорахъ и Русской Правдѣ, представилъ намъ живой образъ древнѣйшаго государственнаго строя земли русской. Правда, въ частностяхъ, толкованія его часто не вѣрны, но припомнимъ то обстоятельство, что ему приходилось создавать, несуществовавшую еще тогда, науку исторіи русскаго права. Упомянемъ также о статьяхъ Бѣляева, напечатанныхъ въ Временникѣ Общества исторіи и древностей за 1852 годъ и въ извѣстіяхъ Академіи наукъ, томъ

Не мало годнаго матеріала заключается въ изслѣдованіяхъ, замѣчаніяхъ и лекціяхъ г. Погодина. Преимущественно мы находимъ въ нихъ еще нѣсколько данныхъ изъ византійцевъ, опровергающихъ сомнѣнія Шлёцера. Кромѣ того Погодинъ сличаетъ постановленія нашихъ договоровъ съ постановле іями подобныхъ международныхъ актовъ, заключенныхъ греками съ другими сосѣдними народами.

Также много дѣльныхъ замѣчаній о договорахъ можно найти въ сочиненіяхъ Неволина, Тобина (die Beiträge), Пахмана, Деппа, Иванишева и др. Наконецъ нельзя не познакомиться съ филологическими трудами по нашему предмету, замѣчательнѣйшіе изъ которыхъ: Николая Лавровскаго »о византійскомъ элементѣ въ языкѣ договоровъ« и Срезневскаго во II отдѣленіи III тома извѣстій Академіи наукъ.

Вотъ всѣ главнѣйшіе источники и литература предмета настоящаго чтенія.

Обратимся теперь къ самымъ памятникамъ. Прежде, чѣмъ займемся

разборомъ ихъ постановленій, скажемъ нѣсколько словъ о внѣшней исторіи ихъ возникновенія.

Въ 907 году, по сказанію Нестора, Олегъ, побѣдоносно совершивъ набѣгъ на византійскія владѣнія и опустошивъ окрестности Константинополя, внялъ просьбѣ пословъ греческихъ »не погубляй городъ, иметемися по дань«, и послалъ къ нимъ мужей своихъ для веденія переговоровъ о мирѣ. Переговоры окончились заключеніемъ договора 907 года, который, согласно новѣйшимъ изысканіямъ, необходимо признать вполнѣ самостоятельнымъ международнымъ актомъ, возстановляющимъ миръ между воюющими сторонами и опредѣляющимъ основанія правильныхъ торговыхъ сношеній Руси съ греками. Противнаго мнѣнія Эверсъ и Тобинъ, считающіе договоръ 907 года предварительнымъ соглашеніемъ къ договору 911 года. Но доводы этихъ ученыхъ опровергнуты профессоромъ Пахманомъ [1]), доказавшимъ: 1) Что о переговорахъ и предварительномъ соглашеніи, предшедствовавшемъ, по тогдашнему обычаю, заключенію 2-го Олегова договора, ясно говорится въ лѣтописи отдѣльно отъ договора 907 года. Это предварительное соглашеніе заключено въ томъ же самомъ году, въ которомъ заключенъ 2-ой договоръ Олега съ греками. 2) Что предварительныя соглашенія никогда не подтверждались присягою и не назывались свѣщаніемъ; договоръ же 907 года подтвержденъ присягою и названъ въ лѣтописи свѣщаніемъ. Въ лѣто 6420, говоритъ лѣтописецъ, посла мужи свои Олегъ построити миръ и положити рядъ между Русью и Греки, и посла равно другаго свѣщанія, бывшаго при тѣхъ же царяхъ Львѣ и Александрѣ (т. е. свѣщанія 907 года, такъ какъ лѣтопись не упоминаетъ о существованіи другихъ мирныхъ договоровъ Олега съ греками). 3) Что договоръ 907 года уже потому договоръ самостоятельный, что, по отношенію къ нему, можно также различить: a) предварительное соглашеніе: »Олегъ началъ миръ творити со Леономъ и Александромъ«, и b) формальное заключеніе договора, т. е. свѣщаніе: »Царь же Леонъ со Александромъ миръ сотвориста..... и къ ротѣ ходивше«.

Замѣтимъ отъ себя, что все тогдашнее положеніе дѣлъ говоритъ въ пользу доводовъ Пахмана. При заключеніи договора 907 года, обѣими сторонами, имѣлись, по всей вѣроятности, преимущественно въ виду тор-

---

[1]) См. его диссертацію о судебныхъ доказательствахъ, стр. 22 и 23, прим. 1.

говыя выгоды, а о необходимости установленія *сложныхъ* правилъ, для разрѣшенія могущихъ возникнуть между русскими, пребывающими въ Константинополѣ, и греками, споровъ, никто и не подумалъ: греки полагали, что они достаточно ограждены отъ насилія Руссовъ общимъ постановленіемъ договора. »Да запретитъ князь словомъ своимъ приходящимъ здѣ Руси творить пакости въ селехъ, и въ странѣ нашей«. Только опытомъ какъ греки такъ и Руссы могли убѣдиться въ несостоятельности такого положенія дѣлъ, и только опытъ могъ породить сознаніе необходимости болѣе сложныхъ правилъ, нежели постановленія договора 907 года. И въ самомъ дѣлѣ мы видимъ, что черезъ 4 года послѣ заключенія договора 907 года, Олегъ посылаетъ пословъ въ Константинополь для соглашенія съ греками касательно правилъ для разрѣшенія распрей. Посольство это заключило въ 911 съ греческими царями Леономъ, Александромъ и Константиномъ тотъ знаменитый договоръ, который считался до сихъ поръ мирнымъ договоромъ Олега съ греками, но который, принадлежитъ къ числу актовъ по частному международному праву, которыми устанавливаются не отношенія договаривающихся государствъ другъ къ другу, но взаимныя отношенія подданныхъ этихъ государствъ. Высказанному нами мнѣнію, повидимому, противорѣчитъ слѣдующее мѣсто изъ договора 911 г.: По первому убо слову, да умиримся съ вами, Греки, etc...., намекающее какъ-бы на то, что до настоящаго времени съ греками не былъ заключенъ формальный мирный договоръ. Но если мы возьмемъ въ соображеніе, что приведенное мѣсто находится непосредственно послѣ словъ: Суть — яко понеже мы ся имали о Божіи мирѣ и о любви главы таковыя: т. е. продолжаютъ дѣйствовать, имѣютъ силу (такъ мы объясняемъ слово суть) прежде заключенныя нами постановленія о Божьемъ мирѣ и о любви, а постановленія эти именно слѣдующія: по первому слову да умиримся etc; если мы возьмемъ въ соображеніе это обстоятельство, говорю я, то увидимъ, что слова: да умиримся съ вами, Греки, etc. есть доказательство того, что миръ уже заключенъ былъ прежде (и именно, по нашему мнѣнію, въ 907 г.), а теперь опредѣляются только взаимныя отношенія подданныхъ договаривающихся государствъ.

Вотъ исторія возникновенія договоровъ Олега

Перейдемъ теперь къ договору Игоря.

Послѣ 36-ти лѣтняго мира, въ продолженіи котораго сношенія русскихъ съ греками основывались на обоихъ Олеговыхъ договорахъ,

лѣтописецъ вдругъ повѣствуетъ намъ о новомъ походѣ русскихъ на Византію подъ правленіемъ Игоря. Тобинъ думаетъ, что поводомъ къ этому походу послужило невыполненіе со стороны вѣроломныхъ грековъ постановленій договора 907 года, которыми русскіе выговорили себѣ различныя льготы, весьма непріятныя грекамъ; мы же полагаемъ, что Игорю просто захотѣлось взять, по примѣру Олега, дань съ Византіи и занять свою безпокойную дружину, которой надоѣло бездѣйствіе въ Кіевѣ: вообще древность не старалась, подобно новѣйшимъ дипломатамъ, пріискивать законныя причины объявленія войны, ибо война не была послѣднимъ крайнимъ средствомъ разрѣшенія возникшаго спора, но считалась чѣмъ-то весьма естественнымъ, такимъ же дозволеннымъ средствомъ обогащенія какъ торговля. Игорю не посчастливилось: флотъ его былъ сожженъ греческимъ огнемъ, а самъ онъ принужденъ возвратиться во-свояси. Въ 944 году онъ снова, собравъ войско изъ всѣхъ подвластныхъ ему народовъ, отправился воевать Грецію, но при устьяхъ Дуная встрѣченъ былъ греческими послами, предложившими ему возобновить Олеговы договоры и побудившими его возвратиться на родину. По прибытіи въ Кіевъ, Игорь послалъ посольство въ Константинополь, которое и заключило съ греческими царями Романомъ, Константиномъ и Стефаномъ договоръ 945 г. Въ договорѣ этомъ повторены оба договора Олега съ измѣненіями, обусловленными временемъ, и кромѣ того включены добавочныя статьи, вызванныя измѣнившимся положеніемъ дѣлъ. По мнѣнію Эверса договоръ этотъ не имѣетъ самостоятельнаго характера; онъ содержитъ въ себѣ только добавочныя статьи къ договору 911 года. Но этому воззрѣнію противорѣчитъ то, что въ Игоревъ договоръ включены нѣкоторыя статьи цѣликомъ изъ Олеговыхъ договоровъ безъ всякаго измѣненія, что не могло-бы быть, еслибы договоръ Игоря имѣлъ только значеніе трактата дополнительнаго, заключающаго въ себѣ лишь добавочныя статьи къ договору 911 года; тогда бы внесли въ него только измѣненныя статьи Олеговыхъ договоровъ. Статьи же, не вошедшія въ Игоревъ договоръ, нужно считать отмѣненными, и мы надѣемся, что будемъ всякій разъ въ состояніи, когда намъ встрѣтится подобная пропущенная статья, доказать причину отмѣны.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію формы договоровъ, единственныхъ дипломатическихъ актовъ того времени, порядка ихъ составленія, заключенія и подтвержденія.

Форма договоровъ напоминаетъ форму подобныхъ дипломатическихъ актовъ, заключенныхъ греками съ другими народами и вообще форму греческихъ государственныхъ грамотъ. Кромѣ того и языкъ договоровъ прямо указываетъ на то, что они переведены съ греческаго; значитъ—форма греческая.

Какая же была эта форма?

Договоры начинаются исчисленіемъ заключившихъ оные лицъ, потомъ въ началѣ и концѣ, въ видѣ введенія и заключенія, высказывается увѣреніе въ вѣчности мира, а въ серединѣ находятся самыя постановленія договора, написанныя со словъ договаривающихся. Конецъ содержитъ, кромѣ того, свидѣтельство о порядкѣ заключенія и ратификаціи договоровъ.

Договоры заключены, съ одной стороны, отъ имени императоровъ, христолюбивыхъ царей греческихъ (*φιλοχρισι βασιλεῖς*), съ другой стороны,—Олеговы отъ имени рода Русскаго, т. е. великаго князя и князей, подвластныхъ ему; Игоревъ-же отъ имени великаго князя, прочихъ князей русскихъ и всѣхъ людей земли русской.

Порядокъ заключенія договоровъ состоялъ, какъ легко можно убѣдиться изъ чтенія лѣтописи вообще и Игорева договора въ особенности: 1) въ предварительномъ соглашеніи насчетъ предмета договора; 2) въ формальномъ заключеніи, написаніи и подписаніи договора послами; при семъ изготовляются два подлинника договора, изъ которыхъ одинъ оставлялся въ Византіи грекамъ, другой же отсылался съ нарочнымъ посольствомъ въ Россію; 3) въ подтвержденіи (ратификаціи) договора, которое совершалось со стороны грековъ собственноручною киноварною подписью императоровъ и присягою ихъ, со стороны русскихъ посредствомъ принятія договорной грамоты княземъ и подтвержденія ея присягою какъ князя такъ и знатнѣйшихъ подданныхъ его. Греки клялись именемъ святой единосущной Троицы, о клятвѣ Русскими говорится не всегда одинаково. Такъ въ Игоревомъ договорѣ, то дѣлается различіе между клятвою русскихъ крещенныхъ и клятвою русскихъ язычниковъ, то этого различія не дѣлается. Въ первомъ случаѣ крещенные клянутся именемъ Бога Вседержителя, а язычники именемъ языческихъ божествъ, въ послѣднемъ же случаѣ всѣ клянутся именемъ Бога, и слово Богъ принимается въ смыслѣ какъ христіанскаго, такъ и языческаго Бога. Во второмъ договорѣ Олега русскіе клянутся по закону языка ихъ, т. е. приносятъ клятву языческую.

Также и клятва позднѣйшаго договора, заключеннаго Святославомъ, клятва вполнѣ языческая: да имѣемъ клятву отъ бога, въ его же вѣруемъ, въ Перуна и въ Волоса, скотья бога. Нѣкоторые напротивъ того думаютъ, что именно здѣсь происходитъ смѣшеніе христіанскихъ идей съ языческими, ибо они толкуютъ это мѣсто такъ: и да будемъ прокляты отъ Бога, въ котораго мы также вѣруемъ какъ и въ Перуна и въ Волоса. Но доводы ихъ опровергаются тѣмъ, что переводъ: »да будемъ прокляты отъ бога, въ котораго вѣруемъ, т. е. въ Перуна и Волоса«, грамматически правильнѣе и проще, а согласно этому переводу, слова »въ Перуна и въ Волоса, скотья бога, есть не что иное какъ ближайшее опредѣленіе того бога, въ его же вѣруемъ«,—значитъ присяга остается чисто языческою. Поговоримъ теперь о лицахъ заключившихъ договоры.

Здѣсь упоминаются со стороны русскихъ:

1) Слы; 2) гости—купцы.

Слы были ратные люди, и пользовались, какъ можно заключить изъ различныхъ намековъ византійцевъ, бо́льшимъ почетомъ, чѣмъ гости—купцы. Слы раздѣлялись: a) на словъ великокняжескихъ, b) словъ отъ князей сущихъ подъ рукою великаго князя, и c) словъ опчихъ. Кто были сіи послѣдніе, трудно рѣшить. Нѣкоторые думаютъ, что это были послы отъ общинъ, и слово опчій употребляется здѣсь въ смыслѣ ...агательнаго отъ община—обничина; другіе, напротивъ того, полагаютъ, что слово опчій здѣсь употреблено въ смыслѣ инаго, чужаго, ...оронняго, и что оно означаетъ пословъ отъ городовъ, мѣстностей ...ицъ, не находящихся подъ верховною властью великаго князя, но желавшихъ пріобрѣсти и для себя льготы, заключавшіяся въ договорахъ. Объясненіе это имѣетъ много за себя уже потому, что слово опчій находится въ договорѣ Игоря, гдѣ не говорится, что договоръ заключается отъ имени в. кн. и князей, сущихъ подъ рукою его, но просто отъ имени в. кн. и прочихъ князей русскихъ, изъ которыхъ многіе могли быть самостоятельными, какъ тому мы и находимъ свидѣтельства въ исторіи, и какъ мы надѣемся доказать при разборѣ тогдашняго государственнаго устройства земли русской.

Послѣ словъ, въ числѣ лицъ, принимающихъ участіе въ переговорахъ о заключеніи договоровъ, являются гости—купцы.

Какимъ образомъ попали сюда купцы, можно объяснить различно. Эверсъ полагаетъ, что въ старину, вмѣсто того, чтобъ посылать

особое посольство, часто давали дипломатическія порученія купцамъ, и что купцы старались добыть себѣ подобнаго рода порученія, потому что облеченные офиціальнымъ характеромъ они подвергались меньшимъ опасностямъ на чужбинѣ. Кромѣ того князья были лично заинтересованы въ торговыхъ операціяхъ и могли смотрѣть на нихъ какъ на дѣло государственное. Замѣтимъ, что въ большинствѣ случаевъ, оно могло быть и такъ, какъ думаетъ Эверсъ, но что объясненіе его едва ли приминимо къ договору Игоря, такъ какъ въ семъ послѣднемъ гости являются вмѣстѣ со слами. Не были-ли эти гости скорѣе представителями отъ городовъ и вообще отъ класса людей, занимавшихся торговлею, которымъ давалось порученіе присутствовать въ качествѣ свѣдущихъ людей при заключеніи условій по торговой части. Это однакожъ одно предположеніе, потому что другихъ международныхъ актовъ, съ которыми можно было-бы сравнить постановленія договоровъ, мы въ періодѣ договоровъ не находимъ. Кто былп представителями грековъ прп заключеніи договоровъ, въ договорахъ не сказано.

Исторія возникновенія договоровъ нами разсмотрѣна, перейдемъ теперь къ обзору содержанія нашихъ памятниковъ и займемся сперва постановленіями, касающимися международныхъ отношеній.

Тогдашнее международное право въ военное время носитъ, судя по лѣтописи, отпечатокъ первобытной грубости нравовъ. Припомнимъ только то, что намъ разсказываетъ лѣтописецъ про походы Аскольда и Дира, и про набѣгъ Олега на Византію. Да и греки вели себя не лучше сѣверныхъ варваровъ. Лунтпрандъ, епископъ Кремонскій, разсказываетъ, что греки, уничтоживъ флотъ Игоря, возвратились въ Константинополь съ большимъ числомъ плѣнныхъ. Этимъ плѣннымъ императоръ Романъ велѣлъ отрубить головы въ присутствіи Гугонова посла, отчима Луитпранда, отъ котораго сей послѣдній и узналъ о семъ событіи. Еслиже плѣнныхъ не убивали, то ихъ обращали въ рабство и договоры содержатъ въ себѣ пространныя постановленія о выкупѣ таковыхъ военнопленныхъ, какъ мы увидимъ впослѣдствіи. И такъ, разореніе, грабежъ и убійство были неизбѣжными спутниками войны, а главною конечною цѣлью ея—взятіе дани.

Да и въ мирное время повсюду проглядываетъ обоюдное недовѣріе. Такъ греки обнаруживаютъ желаніе быть въ сношеніяхъ только съ офиціальными послами и съ купцами: они на отрѣзъ отказываются, не смотря на желаніе побѣдителя Олега, давать мѣсячину русскимъ

пріѣзжающимъ въ Константинополь безъ купли, т. е. безъ товаровъ, не по торговымъ дѣламъ. Но и послы, равно какъ и купцы, должны были, прежде чѣмъ ихъ допускали въ Царьградъ, удостовѣрить грековъ, что они пришли съ миромъ, не въ враждебномъ намѣреніи. Для этого они получали отъ в. к. русскаго печати, а въ послѣдствіи грамоты, которыя и предъявляли грекамъ. Если у приходящихъ русскихъ такихъ печатей и грамотъ не оказывалось, то ихъ немедленно арестовывали и держали подъ арестомъ до извѣщенія князя русскаго о случившемся. Не дававшихъ схвитить себя греки могли безнаказанно убивать, и договоры именно постановляютъ: »Да не изыщется смерть ихъ отъ князя вашего«. Объ убѣжавшихъ доносилось князю русскому, чтобъ онъ поступилъ съ ними по усмотрѣнію.

Подобныя постановленія встрѣчаются въ договорахъ грековъ съ другими сосѣдними народами. Такъ въ договорѣ, заключенномъ въ 715 году съ болгарами, сказано: negotiantes vero in utraque regione per praecepta et signacula commendari, si qui vero sine signaculo inventi fuissent, diriperentur, quae haberent et inferrentur publicis rationibus.

Но и удостовѣрившись, что русскіе пришли съ миромъ, Греки все-таки считали нужнымъ принимать противъ нихъ различныя мѣры предосторожности. Такъ русскіе должны были дожидаться въ предмѣстьи св. Мамы, пока придетъ греческій чиновникъ и перепишетъ ихъ; тогда они получали мѣсячину и могли отправляться въ городъ, но, по выраженію договоровъ, только: едиными враты, со царевымъ мужемъ, безъ оружія.

Тоже самое разсказывается намъ объ обращеніи грековъ съ франками: Nec permittebat imperator introire in civitatem multos insimul, sed honoratim, vel quinque vel sex.

Правда, что разъ въ городѣ русскіе по договору Олега могли безпошлинно торговать всѣми товарами, что должно считать исключеніемъ изъ общихъ постановленій Греціи по этому предмету, такъ какъ въ договорахъ съ другими народами мы находимъ постановленія совсѣмъ противоположнаго характера. Напр. въ договорѣ съ персами именно сказано: Tertio capite cavetur, ut Romani et Persae quarumcunque mercium mercatores, et hi qui vectigalia ex hujusmodi mercibus colligunt, secundum legem ditionis, in qua illis commercium est, neque in aliis locis, quam in quibus decimarum solutio est indicta, mercaturas faciant.

Это исключеніе изъ общаго правила можетъ быть объяснено тѣмъ,

что русскіе побѣдители выговорили все это себѣ какъ льготу. Въ договорѣ Игоря, въ статьѣ о входѣ русскихъ въ городъ и о торговлѣ ихъ съ греками, взятой цѣликомъ изъ договора Олега 907 года, послѣ словъ: »и да творятъ куплю, якоже имъ надобно«, слова »не платячи мыта ни въ чемъ же« выпущены, и, я думаю, съ намѣреніемъ, такъ какъ греки побѣдители не видѣли никакой надобности дѣлать исключенія изъ общей системы пошлинъ въ пользу побѣжденныхъ Руссовъ. Эверсъ напротивъ того утверждаетъ, что льгота эта продолжала существовать: и здѣсь его вводитъ въ заблужденіе неправильное воззрѣніе на договоръ Игоря какъ на трактатъ дополнительный къ договору Олега.

Нѣкоторыхъ товаровъ русскимъ дозволялось покупать только на извѣстную сумму. Такъ въ договорѣ Игоря сказано: »Входяще же Русь во градъ, да не имѣютъ власти купить паволокъ (т. е. парчей, поволока испорченное babylonica) лише по 50 златникъ, и отъ тѣхъ паволокъ, аще кто купитъ, да показуетъ цареву мужу, и той запечатаетъ и дастъ имъ«.

Кажется статья совершенно ясна: она запрещаетъ покупать поволокъ болѣе чѣмъ на 50 золотниковъ и предписываетъ всякую купленную поволоку предъявлять чиновнику для приложенія къ ней клейма. Если паволока стоила болѣе 50 золотниковъ, то чиновникъ не могъ по греческимъ таможеннымъ правиламъ наложить на нее клеймо, и слѣдовательно, русскій долженъ былъ отдать паволоку и удовольствоваться возвращеніемъ покупной цѣны. Такъ поступали греки и съ другими иностранцами. Луитпрандъ разсказываетъ, что въ бытность свою въ Царьградѣ онъ накупилъ много дорогихъ парчей, но при отъѣздѣ ему приказано было предъявить ихъ: дозволенныя къ вывозу были заклеймены, а запрещенныя взяты у него съ возвращеніемъ той цѣны, за которую онъ купилъ ихъ. Сличивъ нашъ договоръ съ свидѣтельствомъ Луитпранда, всякій долженъ сознаться, что объясненіе наше и просто и правильно. Однако Эверсъ совсѣмъ иначе объясняетъ постановленіе договора: онъ говоритъ, что только въ случаѣ, если цѣна паволоки превышала 50 золотниковъ, она должна была быть представлена къ приложенію клейма, для того, чтобы византійское правительство, не желавшее заводить споровъ съ варварами, могло наказать подданнаго преступившаго законъ и продавшаго запрещенный товаръ иноземцамъ. Объясненіе это не только не имѣетъ никакого основанія въ очень ясныхъ выраженіяхъ договора, но и противорѣчитъ практикѣ визан-

тійскаго правительства, въ чемъ мы могли убѣдиться изъ приведеннаго разсказа Лиутпранда. Справивъ свои дѣла, русскіе тотчасъ должны были отправиться во-свояси. Договоръ Олега запрещаетъ имъ оставаться въ Константинополѣ болѣе шести мѣсяцевъ. Въ договорѣ Игоря постановленіе это измѣнено: русскіе не могутъ только оставаться на зиму въ Константинополѣ, но за то имъ возбраняется также зимовать на островѣ св. Елѳерія, при устьяхъ Днѣпра, т. е. въ византійскихъ владѣніяхъ. Но въ тоже время греки старались задобрить русскихъ, отпускали имъ мѣсячину и снабжали въ обратный путь.

Кромѣ только-что приведенныхъ статей, въ договорахъ содержится еще нѣсколько постановленій по международному праву.

Сюда относятся весьма пространно изложенныя статьи о выкупѣ плѣнныхъ, подробнымъ разборомъ которыхъ мы по недостатку времени не займемся. Скажемъ только, что въ обоихъ договорахъ Олеговыхъ, равно какъ и въ договорѣ Игоря, какъ русскіе такъ и греки обязуются за извѣстное вознагражденіе выдавать не только непосредственно ими захваченныхъ плѣнниковъ, подданныхъ другой стороны, но и захваченныхъ другими народами и приведенныхъ для продажи въ Россію или въ Грецію. Въ Олеговомъ договорѣ сумма, даваемая въ выкупъ за плѣннаго, равняется рыночной цѣнѣ раба въ данное время. Постановленія Игорева договора по этому предмету гораздо сложнѣе. Здѣсь вознагражденіе почти вездѣ опредѣлено самымъ договоромъ. Оно различно, смотря по полу и возрасту плѣнниковъ. Эверса поражаетъ то, что за дѣвицу постановлено взимать болѣе чѣмъ за человѣка среднихъ лѣтъ; но онъ самъ замѣчаетъ, что по разсказамъ путешественниковъ, и теперь еще у народовъ торгующихъ невольниками мы встрѣчаемъ подобное явленіе.

Бѣжавшихъ рабовъ, вмѣстѣ съ принесеннымъ ими покраденнымъ хозяйскимъ добромъ, положено немедленно выдавать ихъ господину. А чтобъ это исполнялось и на дѣлѣ, въ договорѣ Игоря постановлено: »Аще-ли кто отъ людей царства нашего (т. е. греческаго) или отъ града нашего или отъ инѣхъ городовъ ускочитъ челядинъ нашъ къ вамъ и принесетъ что: да возвратятъ и опять; и еже что принеслъ, будетъ все цѣло, и да возмуть отъ него золотника два«: т. е. если рабъ и покраденное хозяйское добро возвращены будутъ въ цѣлости, то приводчикамъ платится 2 золотника.

Далѣе въ договорахъ заключается касательно международныхъ от-

ношеній постановленіе объ отмѣнѣ береговаго права. Договоръ Олега идетъ еще далѣе простой отмѣны: онъ не только запрещаетъ всякое насиліе противъ потерпѣвшихъ отъ бури или боренія земнаго (выраженіе договора), но и повелѣваетъ оказывать имъ всякую помощь, и проводить ихъ по опаснымъ мѣстамъ (да проводимъ ю сквозь всяко страшно мѣсто) назадъ въ Грецію или же Россію, смотря потому у береговъ какой земли случилось кораблекрушеніе: Въ послѣднемъ случаѣ греческіе судоходцы могли распродать въ Россіи весь находившійся на кораблѣ товаръ и отправиться во-свояси; вырученныя же посредствомъ продажи самаго судна или матеріала, изъ котораго оно было построено, деньги, отсылались въ Грецію съ первымъ посольствомъ или купеческимъ караваномъ.

Постановленіе это весьма важно. Оно служитъ примѣромъ того вліянія, которое народы цивилизованные постоянно имѣли на своихъ непросвѣщенныхъ сосѣдей: русскіе побѣдители не только отказываются здѣсь отъ принадлежавшаго имъ, по ихъ понятіямъ о международныхъ отношеніяхъ, права грабить беззащитныхъ, потерпѣвшихъ отъ бури мореходцевъ, но и принимаютъ на себя важную и довольно трудную обязанность охранять ихъ во все продолженіе дальнѣйшаго странствованія. Кромѣ того мы видимъ тутъ, что русскіе распоряжались во времена Олега хозяевами на прибрежьи Чернаго моря, ибо иначе всѣ эти обѣщанія охраны и помощи были-бы пустою фразою, въ которой греки вовсе не нуждались. Правда, это владычество русскихъ на Черномъ морѣ продолжалось повидимому не долго. Въ договорѣ Игоря, въ которомъ мы находимъ столько постановленій въ пользу грековъ, не говорится о помощи греческимъ судоходцамъ. Это паденіе нашей морской силы легко можно объяснить появленіемъ на югѣ Россіи дикихъ и воинственныхъ печенеговъ.

Наконецъ мы находимъ касательно международнаго права въ договорѣ Игоря два весьма замѣчательныя постановленія: во-первыхъ, нѣчто въ родѣ теперешнихъ наступательныхъ и оборонительныхъ союзовъ. Греки обязуются помогать князю русскому въ войнахъ его съ сосѣдями Корсунской области; за эту помощь князь русскій обязанъ защищать Корсунь отъ набѣговъ черныхъ болгаръ. Во-вторыхъ постановленіе о взаимной выдачѣ преступниковъ. Такъ по крайней мѣрѣ мы толкуемъ вмѣстѣ съ Бѣляевымъ (Русь въ первыя сто лѣтъ, стр. 52) слѣдующую статью:

»Аще влодѣй возвратится въ Русь, да жалуютъ Русь Христіанскому царству, и ятъ будетъ таковый и възвращенъ будетъ нехотяй въ Русь. Си же вся да творятъ Русь Грекомъ, и дюже аще ключится таково«; т. е. если какой-нибудь преступникъ будетъ подлежать выдачѣ русскимъ (такъ можно объяснить слово возвратится), то да жалуются русскіе греческому правительству, и да будетъ онъ схваченъ и противъ воли возвращенъ въ Русь. Тоже самое да сотворятъ русскіе грекамъ.

Впрочемъ статья эта по неясности своего изложенія толковалась различно. Такъ напр. Эверсъ предполагаетъ, что здѣсь говорится о выдачѣ лица своевольно вторгшагося въ чужія владѣнія. Но всѣ эти толкованія сопряжены съ большими натяжками и гораздо сложнѣе только-что приведеннаго нами.

Вотъ послѣднія постановленія международнаго права, которыя намъ оставалось разобрать!

Переходимъ теперь къ намекамъ на тогдашній государственный строй нашего отечества, находимымъ нами въ договорахъ. Здѣсь почти ничего нельзя сказать положительнаго: все основывается большею частію на предположеніяхъ. Въ договорѣ Олега 911 года великій князь является непосредственнымъ главою рода руссовъ и князей сущихъ подъ рукою его и сидѣвшихъ по городамъ. Кто были эти князья? Тутъ невольно припомнишь раздѣленіе волостей, произведенное Рюрикомъ своимъ дружинникамъ. Въ волостяхъ этихъ мужи Рюрика по всей вѣроятности распоряжались самостоятельнѣе чѣмъ простые намѣстники, посаженные Олегомъ въ покоренныхъ имъ городахъ. И такъ, можетъ быть князья здѣсь упоминаемые были мужи Рюрика, которымъ онъ роздалъ волости, или ихъ потомки. Кромѣ того не забудемъ и того обстоятельства, что многія славянскія племена не были совершенно покорены: они платили только дань, во внутреннія же дѣла ихъ в. кн. не мѣшался и они управлялись собственными князьями. Исторія сохранила намъ даже имена нѣкоторыхъ изъ такихъ туземныхъ князей: припомнимъ только древлянскаго Мала и Ходоту. Значитъ, легко можетъ быть, что между князьями подъ Ольгомъ сущими подразумѣваются тоже туземные князья—данники. Въ какихъ отношеніяхъ могли быть эти князья къ в. кн.? Изъ того обстоятельства, что они вмѣстѣ съ нимъ договариваются съ греками, можно заключить, что положеніе ихъ было весьма самостоятельное: въ землѣ своей и въ отношеніи къ другимъ князьямъ, племенамъ и народамъ, они ни отъ кого не зависѣли; чтожъ

касается до в. кн., то они платили ему дань и были по всей вѣроятности обязаны слѣдовать за нимъ въ походъ.

Въ договорѣ Игоря упоминаются просто князья русскіе безъ прибавленія сущіе подъ рукою в. князя. Изъ нихъ, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, многіе по всей вѣроятности были совершенно независимы. О существованіи такихъ независимыхъ княжествъ на Руси мы имѣемъ историческія свидѣтельства. Такъ несомнѣнно то обстоятельство, что нѣкоторые изъ дружинниковъ Рюрика, недовольные имъ, отправились на югъ и западъ Россіи и основали тамъ независимыя государства. Изъ нихъ исторія упоминаетъ объ Аскольдѣ и Дирѣ. Кромѣ того въ гораздо позднѣйшій періодъ разсказывается объ основаніи подобныхъ независимыхъ господствъ норманскими выходцами. Такъ о Рогвольдѣ и Турѣ лѣтописецъ повѣствуетъ: »бѣ бо Рогвольдъ пришель изъ заморя, имяше власть свою Полотескъ, а Туръ въ Туровѣ, отъ него же и Туровцы прозвашеся«. Слѣдовательно существованіе такихъ независимыхъ норманскихъ княжествъ можетъ быть доказано исторически. Изъ того же обстоятельства, что они вмѣстѣ съ в. кн. заключили договоръ съ греками, и что въ тоже время въ договорѣ вездѣ высказывается сознаніе родоваго единства земли Русской, можно заключить, что во времена Игоря между этими князьями и в. кн. существовалъ тѣсный союзъ, и что повидимому в. кн. былъ главою этого союза (можетъ быть primus inter pares).

О сословіяхъ народныхъ и объ отношеніяхъ князя къ народу тоже весьма трудно утвердительно сказать что-либо. Въ договорѣ Олега упоминаются великіе бояре. Это по всей вѣроятности были знатные дружинники; во всякомъ случаѣ они составляли, какъ уже то показываетъ имя ихъ (бояринъ, боляринъ—отъ большой), высшій классъ жителей. Потомъ слѣдуютъ гости—купцы, играющіе, какъ мы видѣли, такое большое значеніе въ древнѣйшій періодъ нашей исторіи. Въ отличіе отъ этихъ двухъ высшихъ классовъ всѣ остальные свободные жители земли русской называются: *людіе*. Въ какомъ же положеніи находились эти людіе относительно великаго князя и его дружины? Въ договорѣ Олега *людіе* эти вовсе не упоминаются. В. кн. и не заботился о нихъ: онъ взималъ съ нихъ дань и оброки, въ прочемъ же оставлялъ ихъ собственному произволу: они по всей вѣроятности судились своимъ общиннымъ судомъ и управлялись общинными сходками.

Въ договорѣ Игоря о людіяхъ этихъ говорится. Вѣроятно въ

истекшія 30 лѣтъ по заключеніи договора Олега дружина и князь вошли въ болѣе тѣсныя сношенія съ своими подданными. Людіе имѣютъ даже своихъ пословъ при заключеніи договора, можетъ быть и дружина княжеская стала уже въ это время попоняться изъ нихъ.

Кромѣ того, какъ мы имѣли случай уже убѣдиться въ древнѣйшій періодъ нашей исторіи, существовали люди несвободнаго состоянія—рабы. Они раздѣлялись на военноплѣнныхъ и рабовъ въ тѣсномъ смыслѣ слова—челядь. Сіи послѣдніе пріобрѣтались по сказанію современниковъ покупкою или рожденіемъ отъ рабыни. Съ рабами русскіе обращались очень мягко, какъ о томъ свидѣтельствуютъ иностранные писатели. Кромѣ того рабы—военноплѣнные, имѣли, какъ мы видѣли, неотъемлемое право быть выкупленными родственниками или соотечественниками.

Вотъ все, что до насъ дошло о государственномъ строѣ тогдашняго времени.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію процесуальныхъ постановленій договоровъ.

Приведемъ сперва относящуюся сюда статью Олегова договора, такъ какъ все зависитъ отъ правильнаго ея истолкованія, которое не совсѣмъ-то легко.

И о главахъ, аже ся ключится проказа, урядимся сице: да елико явѣ будетъ показаньми явленными, да имѣемъ вѣрное о тацѣхъ явленіе; а ему начнутъ не яти вѣры, да егда клянется по своей вѣрѣ: и будетъ казнь якоже явится согрѣшеніе о семъ.

Прежде всего разрѣшимъ вопросъ, кто тутъ говоритъ въ первомъ лицѣ? Неоспоримо, что русскіе, какъ въ большей части Олегова договора (гдѣ говорятъ греки, то тамъ русскіе почти всегда называются, своимъ именемъ въ 3-мъ лицѣ). Если это такъ, то статью слѣдуетъ перевести такимъ образомъ:

А о спорныхъ дѣлахъ постановимъ слѣдующее: Если предъявленными доказательствами (такъ мы толкуемъ показанье, т. е. все то, что указываетъ на какой-нибудь предметъ) обнаружится преступленіе, такъ что мы (русскіе), по нашимъ понятіямъ о силѣ доказательствъ, считаемъ его доказаннымъ, а они (т. е. греки) не станутъ вѣрить ему (т. е. истцу), то да поклянется онъ по своей вѣрѣ, и да воспослѣдуетъ тогда наказаніе, смотря по преступленію.

Объясненіе это имѣетъ за себя все тогдашнее положеніе дѣлъ

Въ Россіи, какъ и у большей части славянскихъ и германскихъ народовъ, существовала совершенно грубая формальная система доказательствъ. Если были налицо извѣстныя условія требуемыя закономъ, то преступленіе считалось совершеннымъ, хотя-бы многое говорило въ пользу обвиняемаго. Система эта смягчается въ послѣдствіи распространеніемъ на всѣ возможные случаи института соприсяжниковъ—очистниковъ, примѣнявшагося первоначально только тогда, когда были нѣкоторыя требуемыя закономъ доказательства, но не всѣ. Какъ первобытна и груба была эта система формальныхъ доказательствъ даже въ гораздо позднѣйшій историческій періодъ, видно изъ всѣмъ извѣстнаго постановленія русской правды:

Аще придетъ кровавъ мужъ или синь, то видока ему не іскати, но платити ему продажу три гривны.

Безъ сомнѣнія греки въ распряхъ своихъ съ русскими не могли удовольствоваться такой первобытной системой доказательствъ, но въ тоже время они не могли заставить русскихъ понимать ихъ систему доказательствъ, потому что для этого требовалось уже довольно высокое умственное развитіе. Чтобы избѣжать непріятныхъ столкновеній по этому предмету, было порѣшено, что въ случаѣ, если греки не удовольствуются принимаемыми со стороны русскихъ за вѣрныя доказательствами, то истецъ долженъ подтвердить свою жалобу присягою (jurimentum suppletorium). Тогда все, что онъ говорилъ, считалось правдою. При этомъ греки рисковали не многимъ; они очень хорошо знали, съ какимъ страхомъ русскіе и славане приступали къ присягѣ, а потому имъ нечего было бояться частыхъ лжеприсягъ. Какъ вообще относились къ присягѣ славянскія племена, мы видимъ изъ повѣствованія Гельмгольда: Jurationes difficillime admittuntur. Nam jurare apud slovos, quasi perjurare est ob vindicem Deorum iram.

Замѣтимъ, что Эверсъ и Рейцъ, не понимая значенія словъ »да имѣемъ вѣрное о тацѣхъ явленіе«, истолковываютъ всю статью не совсѣмъ вѣрно: присяга требуется, по ихъ мнѣнію, только тамъ, гдѣ преступленіе не вполнѣ доказано. Мы же говоримъ, когда оно грекамъ кажется недоказаннымъ.

Въ болѣе пространныхъ процессуальныхъ постановленіяхъ тогдашнее время не нуждалось, потому мы таковыхъ и не находимъ въ договорахъ.

Обратимся теперь къ разбору постановленій гражданскаго права

и потомъ уже займемся правомъ уголовнымъ, такъ какъ уголовное право составляетъ въ описываемый нами періодъ, по справедливому замѣчанію Рейца, часть гражданскаго права, ибо вся система его есть возмездіе за причиненную обиду или вознагражденіе за понесенную.

Постановленій собственно гражданскаго права мы мало находимъ въ договорахъ: они относятся преимущественно къ наслѣдственному праву.

О наслѣдствѣ говорится въ договорахъ слѣдующее: Отъ работающихъ въ Грецехъ Руси у христіанскаго царя, аще кто умретъ не уряживъ своего имѣнья, ци и своихъ не имать, да возвратить имѣнье къ малымъ ближакамъ въ Русь; аще ли створить обряженіе (т. е. завѣщаніе), таковый возьметъ уряженое его, кому будетъ писанъ наслѣдити имѣніе, да наслѣдить е.

Постараемся изъ этого отрывочнаго постановленія возсоздать по мѣрѣ возможности систему нашего древнѣйшаго наслѣдственнаго права. Мы усматриваемъ здѣсь:

1) Что касательно международнаго наслѣдственнаго права греки отказываются отъ всѣхъ правъ своихъ на наслѣдство служащихъ у нихъ русскихъ, на которыхъ они могли смотрѣть какъ на своихъ временныхъ подданныхъ (subditi temporarii), и не только позволяютъ вывозить это наслѣдство за границу, но даже не выговариваютъ себѣ никакой части, что было обыкновеніемъ въ тѣ времена и что, на западѣ Европы, мы находимъ вплоть до настоящаго столѣтія.

2) Что правило, дающее предпочтеніе наслѣдству по завѣщанію предъ наслѣдствомъ по закону и господствовавшее у насъ почти во все продолженіе древняго періода нашей исторіи, существовало уже тогда.

3) Что въ случаѣ, если завѣщанія не находилось, то открывалось наслѣдство по закону и наслѣдовали сперва свои, а потомъ такъ-называемые малые ближаки. Кто были эти свои, и кто были малые ближаки? Легко можетъ быть, что подъ своими подразумѣвались дѣти и всѣ нисходящіе (sui грекоримскаго права); но тоже можетъ быть, что своими назывались такіе родственники, которые жили вмѣстѣ нераздѣльно, однимъ домомъ. Значитъ въ отношеніи своихъ, по этому воззрѣнію, и наслѣдства въ строгомъ смыслѣ слова не могло быть, такъ какъ чѣмъ владѣлъ одинъ членъ, тѣмъ владѣла и вся семья, т. е. свои. Всѣ прочіе родственники назывались малыми, т. е. отдаленными ближаками. Неволинъ желаетъ опредѣлить порядокъ наслѣдованія въ описываемый нами періодъ. Порядокъ этотъ, по его мнѣнію, соотвѣтствуетъ

порядку мстителей въ 1-й статьѣ Русской Правды, и хотя и противорѣчитъ порядку, находимому нами въ т. н. пространной Русской Правдѣ, но подтверждается мѣстами изъ устава св. Владиміра.

На это мы позволимъ себѣ замѣтить слѣдующее:

1) Что въ первой статьѣ Р. П. вовсе не опредѣляется порядокъ мстителей, но просто называются родственники, которымъ, при желаніи законодательства ограничить кругъ дѣйствія кровавой мести, еще предоставлялось право мстить за убитаго. Кто же мстилъ прежде, кто послѣ, до этого государству не было никакого дѣла.

2) Что никакъ нельзя опредѣлить, когда начали дѣйствовать постановленія пространной Р. П. о наслѣдствѣ, такъ какъ они принадлежатъ праву обычному и что на нихъ вообще нужно обращать болѣе вниманія, чѣмъ на уставъ св. Владиміра—этотъ еще не разгаданный памятникъ нашей старины.

И такъ, вѣроятность гипотезы Неволина ничѣмъ не доказывается. Кромѣ этого постановленія о наслѣдствѣ есть въ договорахъ еще одна статья по гражданскому праву, изъ которой мы можемъ заключить, что по расторженіи брака жена получала извѣстную часть изъ имѣнія мужа; а именно въ договорахъ постановлено, что если сотворившій убійство убѣжитъ, то родственники убитаго берутъ его имѣніе, но что этимъ не нарушается право жены убійцы (который считался какъ бы умершимъ), на слѣдуемую ей по закону часть. Эверсъ думаетъ, что статья эта внесена въ договоръ подъ вліяніемъ грековъ, желавшихъ предупредить такимъ образомъ, чтобы родственники убіеннаго р. не потребовали удовлетворенія изъ приданнаго жены убійцы, что легко могло случиться со стороны русскихъ, такъ какъ у нихъ жена не имѣла ничего собственнаго и приданное ея сливалось съ имуществомъ мужа. Мнѣніе это не совсѣмъ правильно. Правда то, что греки должны были позаботиться о томъ, чтобы русскіе, не знавшіе ихъ права, не смѣшали приданнаго жены, на которое мужъ имѣлъ нѣкоторыя права, съ собственнымъ имуществомъ мужа, но не правда то, что женщина въ Россіи не считалась лицомъ могущимъ имѣть имущественныя права. Напротивъ того мы видимъ изъ Русской Правды, что имущество жены вовсе не сливается съ имуществомъ мужа, и что по смерти жены только ея дѣти, а не дѣти отъ втораго брака, наслѣдуютъ въ ея имуществѣ. Также и Рус. Прав назначаетъ женѣ по смерти мужа часть изъ его имѣнія.

Итакъ, никакъ нельзя сказать, что приведенная нами статья возникла исключительно подъ вліяніемъ грековъ.

Перейдемъ теперь къ разбору постановленій договоровъ, относящихся къ праву уголовному. Выразимъ сперва сожалѣніе, что по недостатку времени мы принуждены этотъ любопытный и самый обширный отдѣлъ договоровъ разобрать только въ общихъ чертахъ.

Основа уголовнаго права договоровъ—основа чисто національно русская. Объективное воззрѣніе на преступленіе, совершенно противоположное субъективному греко-римскому, служитъ краеугольнымъ камнемъ всей системы. Къ тому же на преступленіе смотрится какъ на вредъ, причиненный частному лицу, а не какъ на нарушеніе высшаго закона справедливости и неповиновенія державнымъ предписаніямъ верховной государственной власти.

Вліяніе греко-римскаго права отразилось только на частностяхъ, на понятіяхъ объ отдѣльныхъ преступленіяхъ, не измѣнивъ общихъ началъ славяно-русскаго воззрѣнія на преступленіе и наказаніе. Мы надѣемся даже констатировать тотъ фактъ, что во многихъ случаяхъ договоромъ Игоря отмѣнены постановленія Олеговыхъ договоровъ, имѣвшія свое основаніе и въ греко-римскомъ правѣ, и замѣнены новыми; такъ какъ примѣненіе греко-римскаго права оказалось на практикѣ неудобнымъ, потому что начало этого права никакъ не прививалось къ понятіямъ славяно-руссовъ. Въ договорахъ классификація преступленій таже самая, что и въ Русской Правдѣ. Сперва говорится о преступленіяхъ противъ жизни, потомъ о преступленіяхъ противъ здоровья и наконецъ о преступленіяхъ противъ правъ имущественныхъ.

Придерживаясь этихъ трехъ главныхъ отдѣловъ, и мы разберемъ постановленія договоровъ по праву уголовному. Относительно преступленія противъ жизни—убійства, мы встрѣчаемся въ договорахъ съ полнымъ господствомъ системы возмездія. По договору Олега убійца долженъ умереть на мѣстѣ совершенія преступленія;—по договору Игоря онъ отдается во власть родственниковъ убитаго, т. е. подвергается кровавой мести, согласно праву русскому. Аще кто убьетъ—или христіанина Русинъ, или Русина христіанинъ,—да умретъ и дѣже аще сотворитъ убійство. (Договоръ Олега).

Аще убьетъ христіанинъ Русина, или Русинъ христіанина, да держимъ будетъ сотворивый убійство отъ ближнихъ убіеннаго, да убьютъ и (Договоръ Игоря).

Но подвергается кровавой мести только убійца; родственники не отвѣчаютъ за виновнаго; ибо греки не могли допустить у себя полнаго примѣненія русскаго обычнаго права, по которому месть обращалась и на родичей бѣжавшаго преступника. Что въ Россіи дѣйствительно послѣ пришествія варяжскихъ князей господствовали подобнаго рода начала, видно изъ примѣровъ, находящихся въ лѣтописи (такъ Ольга мститъ за убійство своего мужа всей древлянской землѣ, а про Василька говорится, что онъ отмщая за свое осрѣбленіе, не ограничился убіеніемъ виновниковъ онаго, но »и сотвори мщеніе на людехъ неповинныхъ«. Случаи распространенія мести на родственниковъ и единоплеменниковъ собраны у Рейца: Versuch einer geschichtlicher Darstellung der russischer Staats und Rechtsverfassung. S. 66 и 67, Акт. 1).

Противнаго мнѣнія Бѣляевъ. Онъ не только не видитъ здѣсь уступки грекамъ, но утверждаетъ даже, что статья эта всецѣло принадлежитъ праву русскому, потому, что по мнѣнію его, въ древней Россіи, какъ вообще во всѣхъ славянскихъ земляхъ, только убійца подвергался преслѣдованію. При томъ Бѣляевъ ссылается еще на Русскую Правду, говоря, что въ ней ничего не постановлено относительно мести родственискамъ убійцы.

На эти положенія мы позволимъ себѣ замѣтить слѣдующее:

1) Что на развитіе древнерусскаго права вліяли кромѣ славянскихъ началъ и пришлые германскіе и норманскіе элементы; по правамъ германскихъ народовъ месть почти постоянно распространялась на родичей убійцы. (Wilda. Strafrecht der Germaner. Halle, 1842, S. 173).

Кромѣ того распространеніе мести на родичей и единоплеменниковъ доказывается, какъ мы уже замѣтили, показаніями лѣтописи.

2) Что ссылка на Русскую Правду ничего не доказываетъ, потому что въ Р. Правдѣ, постановленія которой о кровавой мести безспорно принадлежатъ гораздо позднѣйшему періоду, вообще проявляется тенденція ограничить кругъ дѣйствія кровавой мести. Къ тому же Русская Правда говоритъ только о мстителяхъ, не упоминая о лицахъ, на которыхъ распространяется месть; ибо выраженіе, аще не будетъ кто его мстя, на которое ссылается Бѣляевъ, не можетъ служить доказательствомъ, потому что относится къ мстителямъ, упоминаемымъ въ началѣ статьи, и постановляетъ правило для руководства въ томъ случаѣ, когда не будетъ мстителей.

А именно, статья Правды, приводимая Бѣляевымъ, говоритъ слѣдующее:

Аще оубиетъ мужъ мужа, мьстити брату брата, или сынови отца, любо отцю сына, или брату чадоу, любо сестрину сынови.

Опредѣливъ такимъ образомъ, въ видахъ ограниченія права кровавой мести, кругъ имѣющихъ это право, Правда продолжаетъ »аще не будетъ кто мьстя, то 40 гривенъ за голову, т. е. что если никто изъ этихъ лицъ не будетъ (т. е. не захочетъ или не будетъ въ состояніи) мстить, то платится 40 гривенъ за голову.

О лицахъ, на которыхъ падала месть, здѣсь вовсе не говорится. Для избѣжанія недоразумѣній замѣтимъ, что мы вовсе не желаемъ доказать, что во времена изданія постановленія Правды о кровавой мести, месть эта распространялась на родичей бѣжавшаго преступника; мы говоримъ только, что, при молчаніи Правды объ этомъ предметѣ, на нее нельзя ссылаться какъ на доказательство.

Несправедливо также и то мнѣніе, по которому принципъ расплаты за лишеніе жизни лишеніемъ же жизни чуждъ греко-римскому праву. Правда, что законъ Корнелія de Sicariis et veneficis не былъ отмѣненъ ни однимъ позднѣйшимъ закономъ и полагаемая этимъ закономъ за смертоубійство ссылка на островъ считалась ординарнымъ наказаніемъ; но примѣненіе смертной казни въ большинствѣ случаевъ легко доказать слѣдующею статьею пандектъ: 555 l. 3 Dig. 48. 8.

Sed solent hodie capite puniri, nisi honestiore loco positi fuerint, ut legis poenam sustineant.

Ограничивъ такимъ образомъ месть личностью убійцы, право договоровъ должно было пріискать другой способъ удовлетворенія родственниковъ убитаго въ случаѣ побѣга убійцы. И вотъ договоры замѣняютъ отдачу личности преступника во власть оскорбленныхъ родичей, конфискаціею имущества его въ пользу сихъ послѣднихъ. Но и здѣсь договоры строго отличаютъ собственность преступника отъ собственности его родичей и даже жены его: Если у бѣжавшаго преступника не было имѣнія собственно ему принадлежавшаго, то преступленіе оставалось безнаказаннымъ; но за родичами убитаго, признавалось неотъемленное право убить преступника въ случаѣ его возвращенія.

Аще ли убѣжитъ створивый убійство, аще есть имовитъ, да часть его, сирѣчь иже его будетъ по закону, да возметъ ближній убіеннаго, а жена убившаго да имѣетъ томщимъ же пребудетъ по закону; аще

ли есть неимовитъ створивый убійство и убѣжавъ да держится тяжа, дондеже обрящется. Этотъ замѣнъ кровавой мести въ договорахъ полной конфискаціей вызванъ былъ, какъ мы уже замѣтили, особенными условіями сношеній грековъ съ русскими, а не заимствованъ изъ русскаго права, какъ полагаютъ нѣкоторые изслѣдователи. Подобной конфискаціи всего имущества убійцы не знаетъ древнее русское право, въ которомъ существовалъ выкупъ, опредѣлявшійся закономъ или добровольнымъ соглашеніемъ.

Защитники противнаго мнѣнія вводятся въ заблужденіе аналогіей другихъ славянскихъ законодательствъ, гдѣ точно все имущество убійцы отдавалось въ выкупъ родственникамъ убитаго. Но необходимо замѣтить, что договаривался здѣсь преимущественно родъ русскій, т. е. пришельцы норманны, въ правѣ которыхъ никогда не бывало подобнаго выкупа. На это намъ могутъ возразить, что право славянское могло видоизмѣнить право норманновъ; но мы замѣтимъ, что въ данномъ случаѣ этого быть не могло, такъ какъ напротивъ того мы видимъ, что въ Русской Правдѣ славянскія начала относительно кровавой мести и выкупа видоизмѣнены германскимъ вліяніемъ, а этого не могло-бы быть, еслибъ въ самомъ началѣ нашей исторіи, когда норманскіе элементы были гораздо сильнѣе, чѣмъ во времена изданія постановленія Русской Правды о кровавой мести, славянское воззрѣніе на выкупъ взяло перевѣсъ надъ германскимъ.

Теперь остается только рѣшить вопросъ, кто являлся мстителемъ? По выраженію договоровъ—ближніе убіеннаго. Кто были это ближніе, опредѣлялось обычаемъ. Если провѣрить это постановленіе лѣтописью, то легко убѣдиться, что кромѣ родичей здѣсь подразумѣваются и члены искусственныхъ союзовъ, какъ напр. дружины, а въ данномъ случаѣ и товарищества гостей, совершавшихъ за одно путешествіе въ Константинополь. Однимъ словомъ, положительно можно сказать, что кругъ ближнихъ былъ гораздо шире, нежели кругъ мстителей Р. Правды.

Обратимся теперь къ преступленіямъ противъ здоровья и чести. Здѣсь мы видимъ тоже уступку грекамъ. Въ древней Россіи наравнѣ съ выкупомъ существовало относительно этихъ правонарушеній и право мести. Въ договорахъ же допускается только выкупъ. Замѣтимъ тоже, что выкупъ договоровъ—выкупъ чисто германскій, а не славянскій, т. е. выкупъ, количество котораго заранѣе опредѣлено закономъ (5 литръ серебра по договору Олега и 10 по договору Игоря), между тѣмъ

какъ славянскій выкупъ почти никогда не опредѣлялся закономъ, но зависѣлъ отъ обоюднаго соглашенія сторонъ. Въ случаѣ, если виноватому нечѣмъ было заплатить выкупъ, то съ него снималось и самое платье; онъ же долженъ былъ присягнуть, что у него ничего болѣе нѣтъ; за симъ онъ освобождался отъ дальнѣйшаго взысканія.

»Аще ли ударитъ мечемъ или быть кацѣмъ любо съсудомъ, за то ударенье или бьенье да вдасть литръ пять сребра цо закону русскому; аще ли будеть неимовитъ тако створивый, да вдастъ елико можетъ и да соиметь съ себе и ты самыя порты своя, въ нихъ же ходить, а о прочѣ да ротѣ ходить своею вѣрою, яко никако же иному помощи ему, да пребываеть тяжа оттолѣ не взыскаема о семъ«.

Преступленія противъ правъ имущественныхъ, о которыхъ говорится въ договорахъ, суть кража, вымогательство и разбой.

Относительно кражи договоръ Олега постановляетъ, что пойманнаго на мѣстѣ совершенія преступленія вора, въ случаѣ, если онъ сопротивляется, дозволяется убить поймавшему его хозяину вещи. Въ случаѣ же, если онъ добровольно сдавался, то обязанъ былъ возвратить украденное и кромѣ того заплатить извѣстный денежный штрафъ (Какъ этотъ денежный штрафъ опредѣлялся, мы увидимъ тотчасъ).

Аще украдетъ русинъ что любо у хрестьянина, или цаки христьянинъ у русина, и ятъ будетъ въ томъ часѣ тать, егда татьбу творитъ, отъ погубившаго что либо. Аще приготовится татьбу творяй и убіенъ будетъ, да не взыщется смерть его ни отъ христьянъ ни отъ Руси, но паче убо да возметъ свое, иже будетъ погубилъ

Аще вдасть рупѣ украдый, да и ятъ будетъ тѣмъ же, у него же будетъ украдено и связанъ будетъ, да отдаетъ еже смѣ створить (въ нѣкоторыхъ спискахъ прибавлено »и створитъ трижды о семъ«).

Большая часть изслѣдователей (Эверсъ, Бѣляевъ и друг.) предполагаютъ здѣсь дозволеніе убить сопротивляющагося вора, и согласно этому, толкуютъ слова »аще приготовится« въ смыслѣ приготовленія къ защитѣ со стороны вора.

Не такъ разсуждаетъ Станиславскій (въ трудѣ своемъ »Изслѣдованіе началъ огражденія имущественныхъ отношеній въ древнѣйшихъ памятникахъ русскаго законодательства«. Юрид. Сборникъ Мейера, стр. 157 и 158).

По его мнѣнію, подъ словами »аще приготовится« подразумѣвается покушался на кражу, противополагаемое здѣсь совершенію этого преступленія. Но толкованія этого принять нельзя: 1) потому что, по

смыслу всей статьи, слова »аще приготовится« противополагаются не словамъ: »и ятъ будемъ въ томъ часѣ тать, егда татьбу створилъ«, но словамъ: »аще вдаетъ руцѣ свои украдый«; а сими послѣдними выражается тотъ случай, когда воръ не сопротивляется, значитъ противный случай имѣлъ мѣсто тогда, когда воръ »не вдалъ руцѣ свои«, когда онъ приготовлялся къ защитѣ; 2) потому что, если принять это толкованіе, то, по справедливому замѣчанію Мейера, выходила-бы несообразность между наказаніемъ преступника покушавшагося на кражу и наказаніемъ разбойника.

Правда, на это можно возразить, что древность вообще наказывала преступленія совершаемыя тайно строже чѣмъ совершаемыя явно; но возраженіе это непримѣнимо къ данному случаю, потому что здѣсь дозволеніе убить вора основывалось преимущественно на томъ, что при поимкѣ in flagranti delicto воромъ могла быть употреблена сила противъ заставшаго его хозяина вещи; значитъ—причина установленія столь строгаго образа огражденія права собственности въ данномъ случаѣ одна и таже какъ и относительно разбоя—т. е. опасность, которой подвергается личность хозяина вещи.

Что жъ касается до денежнаго штрафа, то нѣкоторые ученые читаютъ »и створитъ трижды о семъ« и видятъ здѣсь примѣненіе poena quadrupli греко-римскаго права, другіе же (Эверсъ, Станиславскій) читаютъ просто »и отдаетъ еже смѣ створить« и думаютъ, что денежный штрафъ отдавался на волю хозяина вещи, что воръ долженъ былъ откупиться.

Мнѣніе сихъ послѣднихъ намъ кажется основательнѣе; потому что: 1) нѣкоторые списки не имѣютъ »и створитъ трижды о семъ«; 2) потому что иначе трудно объяснить себѣ переходъ отъ poena quadrupli Олегова договора къ уплатѣ цѣны вещи договора Игоря, между тѣмъ какъ если принять толкованіе Эверса, то переходъ этотъ объясняется очень просто, а именно: Олеговъ договоръ не опредѣлилъ количества денежнаго штрафа, но оставилъ это опредѣленіе на волю хозяина вещи. Путемъ обычая, въ слѣдствіе того, что обыкновенно назначалась, кромѣ возвращенія вещи, денежная пеня равнявшаяся ея стоимости, образовалось правило вошедшее въ составъ Игорева договора.

Кромѣ того въ договорѣ Олега находится еще постановленіе объ одномъ частномъ случаѣ кражи, а именно о кражѣ челядина.

Здѣсь дѣло разрѣшалось на основаніи показаній самого раба,

исключеніемъ является тотъ случай, когда пропавшій рабъ принадлежалъ гостю. Здѣсь хозяину предоставлялось право искать его вездѣ, гдѣ онъ надѣялся найти его, и найдя, взять безъ дальнѣйшаго разбирательства. Если кто-либо не дозволялъ произвести обыска въ своемъ домѣ, или же допроса рабу, то тѣмъ самымъ давалъ ищущему право употребить силу. Относящаяся сюда статья, различно толкуемая учеными, говоритъ: аще украденъ будетъ челядинъ Русьскій, или ускочитъ, или по нужи проданъ будетъ и жаловатися почнутъ Руси и покажется таковое отъ челядина, да поимутъ и Руси. И гость аще погубитъ челядина и вжалуетъ, да ищетъ, обрѣтше поимутъ и аще ли кто искушенія того не даетъ сотворити местнику, да погубитъ правду свою (въ другихъ спискахъ местникъ да погубитъ правду свою).

Начало статьи совершенно ясно и не требуетъ комментарія. Исключеніе въ пользу гостей легко объясняется ихъ высокимъ положеніемъ въ русскомъ обществѣ, въ слѣдствіе котораго они пользовались всеобщимъ довѣріемъ у себя на родинѣ, а потому и въ Греціи требовали къ себѣ и къ своимъ показаніямъ особаго уваженія. Припомнимъ только, что гости облечены были официальнымъ характеромъ. Но болѣе затрудненій представляетъ конецъ статьи, относительно котораго и раздѣляются мнѣнія ученыхъ. Раковецкій и Бѣляевъ думаютъ, что, согласно этой статьи, недопускающій произвести обыскъ лишается права на невольника; Эверсъ и Станиславскій толкуютъ статью также какъ и мы. Чтобы разрѣшить, кто правъ, слѣдуетъ сперва рѣшить вопросъ, котораго чтенія слѣдуетъ придерживаться: »не дастъ створити местнику, да погубитъ правду свою«, или же, »не дастъ створити, местникъ да погубитъ правду свою«. Если принять первое чтеніе за правильное, то противное намъ мнѣніе справедливо; если же нѣтъ, то мы правы. Перваго чтенія мы не принимаемъ: 1) потому что, тогда бы слово местнику относилось къ производящему обыскъ хозяину вещей, значитъ потерпѣвшему отъ преступленія кражи, мы же нигдѣ не видимъ, чтобъ по договорамъ кража влекла за собою месть, слѣдственно и ищущій своей вѣщи не можетъ быть названъ местникомъ—т. е. мстителемъ. Скорѣе можно принять другое чтеніе иперевести слѣдующимъ образомъ: »местникъ да погубить правду свою«,—»тогда мститель теряетъ свое право мести«, т. е. что въ случаѣ отказа въ обыскѣ, ищущій можетъ употребить насиліе, и если при семъ онъ совершитъ убійство или нанесетъ побои, то законный мститель лишается своего права мести

—дѣяніе не считается правонарушеніемъ. Мы сознаемся, что это толкованіе тоже гипотеза, но гипотеза болѣе вѣроятная, чѣмъ предположенія противной стороны.

Въ договорѣ Игоря мы находимъ весьма короткое постановленіе о кражѣ, а именно опредѣленіе денежнаго штрафа. Укравшій вещь не только обязанъ былъ возвратить её, но подвергался еще въ пользу потерпѣвшаго отъ преступленія денежному взысканію въ размѣрѣ стоимости вещи.

Аще ключится украсти Русину отъ Грекъ что, или Гречину отъ Руси, достойно есть, да возвратитъ е, не точію едино, но и цѣну его.

Возникновеніе этого постановленія мы имѣли уже случай объяснить.

Перейдемъ теперь къ разбору постановленій о насильственномъ завладѣніи чужимъ имуществомъ.

Договоръ Олега различаетъ насильственное завладѣніе чужимъ имуществомъ посредствомъ физическаго принужденія отъ завладѣнія посредствомъ принужденія психическаго.

Иже то створилъ Русину христіанинъ или христіанину Русинъ, и мученія образомъ искусъ творитъ и насиліемъ явѣ возьметъ что либо дружне, да возвратитъ трижды, т. е. если кто либо сдѣлаетъ слѣдующее: или христіанинъ у русскаго или русскій у христіанина, угрозою какого-либо истязанія, или просто посредствомъ употребленія открытой силы возьметъ что-либо чужое, да вознаградитъ обиженнаго втрое.

Постановленіе это взято изъ греко-римскаго права, такъ какъ мы не находимъ въ чисто русскихъ памятникахъ права древнѣйшаго періода нашей исторіи этого раздѣленія принужденія на психическое и физическое, раздѣленія извѣстнаго грекоримскому праву.

Что здѣсь дѣйствительно различается психическое и физическое принужденіе, а не покушеніе на преступленіе и совершеніе онаго, заключаемъ мы: 1) Потому что выраженіе »искусъ творитъ« гораздо правильнѣе переводится »искушать кого«, т. е. побуждать его къ чему либо, чѣмъ сдѣлать покушеніе, какъ переводитъ Эверсъ; ибо для сего послѣдняго понятія существуетъ въ языкѣ времени договоровъ особый терминъ »аще покусится«, употребляемый въ Игоревомъ договорѣ. 2) Потому что иначе выраженіе »мученія образомъ« остается не истолкованнымъ, между тѣмъ какъ если согласиться съ нами, то перевести его весьма легко, а именно: »посредствомъ угрозы какимъ-либо истя-

заніемъ«, посредствомъ представленія о такомъ истязаніи«. 3) Потому что изъ одного спеціальнаго постановленія договора Олега, мы видимъ, что ему не безъизвѣстно было понятіе психическаго принужденія. Мы говоримъ здѣсь о продажѣ раба по нужѣ, о которой упоминается вмѣстѣ съ опредѣленіемъ правилъ для разрѣшенія иска о кражѣ невольниковъ.

Существуютъ, кромѣ Эверсова и только-что изложеннаго нами толкованія этой статьи, еще два толкованія, одно высказанное Роковецкимъ и Бѣляевымъ, другое Станиславскимъ.

Раковецкій и Бѣляевъ полагаютъ, что здѣсь говорится о насиліи во время производства обыска по иску о кражѣ. Однакожъ мнѣніе это лишено основанія, потому что приведенная нами статья вовсе не продолженіе статьи о кражѣ, такъ какъ сія послѣдняя является вполнѣ законченной опредѣленіемъ денежнаго штрафа: »и отдаетъ, еже смѣ створить«.

Чтожъ касается до толкованія Станиславскаго, по которому въ излагаемомъ нами постановленіи Олегова договора предвидится тотъ случай, когда преступникъ, забравшись въ домъ, посредствомъ истязаній выпытываетъ, гдѣ находятся цѣнныя вещи, то принять его нельзя уже потому, что здѣсь говорится объ отнятіи вещей не посредствомъ самихъ мученій, но образомъ ихъ, т. е. посредствомъ представленія объ истязаніяхъ, посредствомъ угрозы.

Чтожъ касается до денежной пени за насильственное завладѣніе чужимъ имуществомъ, то и здѣсь мы не можемъ согласиться съ учеными, видящими въ ней poena quadrupli, которой облагался разбой преслѣдовавшійся посредствомъ actio vi bonorum raptorum; здѣсь полагается не четвертное, но всего тройное взысканіе, которое могло существовать и въ Россіи, такъ какъ, по справедливому замѣчанію Эверса, большая часть древнихъ правъ, для удержанія людей отъ насильственнаго овладѣнія чужимъ имуществомъ, постановляютъ опредѣленіе двойнаго и тройнаго взысканія въ случаѣ преступленія. Кромѣ того возникновеніе этого постановленія объяснить можно еще проще: какъ римское такъ и русское право признавало денежный штрафъ за насильственное завладѣніе чужимъ имуществомъ; опредѣленіе же количества этого штрафа при разрѣшеніи споровъ между русскими и греками зависѣло отъ обѣихъ договаривающихся сторонъ, которыя и постановили тройное вознагражденіе.

Гораздо опредѣленнѣе и проще говоритъ договоръ Игоря о насильственномъ завладѣніи вещью. Онъ различаетъ покушеніе на грабежъ отъ совершенія этого преступленія, но не различаетъ психическаго и физическаго принужденія. Кромѣ двойнаго вознагражденія виновный подвергается еще наказанію.

Ащели кто покусится отъ руси взяти что отъ людей царства нашего, иже то сотворитъ покаженъ будетъ вельми, и ащели взялъ будетъ, да заплатитъ сугубъ, и аще сотворитъ тоже гречинъ русину, да пріиметъ туже казнь, якоже пріялъ есть и онъ.

Тутъ говорится очевидно только о физическомъ принужденіи посредствомъ употребленія открытой силы. Преслѣдованіе психическаго принужденія вѣроятно оказалось непримѣнимымъ въ практикѣ и потому его отмѣнили (что оно дѣйствительно было отмѣнено, видно изъ того, что въ договорѣ Игоря не упоминается о продажѣ раба по нужѣ). Взысканіе двойнаго вознагражденія вмѣсто тройнаго можетъ быть объяснено тоже какъ уступка грековъ русскимъ. Установленіе наказанія является главнымъ образомъ какъ средство огражденія грековъ отъ насилія руссовъ, но въ тоже время оно имѣетъ основаніе и въ греко-римскомъ правѣ, гдѣ напримѣръ разбой на дорогѣ облагался смертною казнью, т. е. публичнымъ наказаніемъ. Мнѣніе Бѣляева, что это постановленіе соотвѣтствуетъ и праву Русской Правды, не основательно потому что разбой, о которомъ говоритъ Рус. Правда и который подвергается потоку и разграбленію, не есть насильственное овладѣніе чужой собственностью, но просто на просто смертоубійство; насильственное же овладѣніе чужею собственностью ничѣмъ не выдѣлялось во времена Русской Правды изъ общаго ряда частныхъ правонарушеній.

Таковы въ краткомъ очеркѣ постановленія договоровъ касательно права уголовнаго.

Вообще договоры открываютъ тотъ рядъ близкихъ сношеній съ Греціей, посредствомъ которыхъ проникла къ намъ христіанская вѣра и римское право, имѣвшее такое громадное вліяніе на нашъ прававой бытъ, вліяніе къ несчастію такъ мало изслѣдованное. Съ договорами наконецъ является у насъ дѣйствіе греческой цивилизаціи и всѣхъ тѣхъ началъ, которыя угасающая имперія восточныхъ римскихъ цезарей завѣщала зарождающейся имперіи новыхъ цезарій востока.

Здѣсь мы кончаемъ разборъ постановленій договоровъ. Скажемъ еще нѣсколько словъ объ общемъ результатѣ нашихъ изысканій. Мы

видѣли, какъ сильно повліяли греки на воззрѣнія нашихъ предковъ касательно международнаго права, какъ они внесли въ нихъ элементъ доселѣ имъ неизвѣстный—элементъ международныхъ обязанностей. На гражданское и уголовное право равно какъ и на судопроизводство они не могли имѣть такого всеобемлящаго вліянія, потому что необразованный человѣкъ неохотно отказывается отъ своихъ воззрѣній на эти части права, воззрѣній такъ тѣсно съ нимъ сроднившихся. Подобное явленіе мы видимъ и на западѣ Европы, гдѣ личность судилась не по законамъ страны, въ которой она находилась, а по закону племени своего.

(Изъ Университетскихъ Извѣстій 1870 г.).